

конченном сочинении «Мартиролог или мученикословие, жития святых по месяцах и числах вкратце собранныя...»; как повлияли на русскую словесность — древнерусскую литературу после Древней Руси, как отразились в сочинениях писателей Нового времени.⁵¹ И вне всякого сомнения, действительно самым важным будет научное издание «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского, ориентированное на первое оригинальное, киевское, издание 1689–1705 годов, не исправленное и «не приглаженное» цензорами поздних переизданий, с научным комментарием к житиям и описанием языка и стиля святителя Дмитрия.

⁵¹ В этом направлении исследования можно указать на книгу: Терешкина Д. Б. «Четьи Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015. См. также: Прокофьева Н. Н. О древнерусских источниках двух притч В. Кюхельбекера // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 108–113; Федотова М. А. «Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минеях...»: А. С. Пушкин и «Книга житий святых» Дмитрия Ростовского // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / Отв. ред. М. Л. Лурье. СПб., 2020. С. 9–21, и др.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-107-118

© Н. В. Патронева

ОТРАЖЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА В ЕГО ПОЭЗИИ

Общая картина становления отечественной риторики в ее тесной связи с историей российской словесности еще не изучена последовательно и детально, между тем вплоть до начала XIX столетия поэтика и поэзия были тесно связаны с риторической традицией, на которую опирались создатели культурно-семиотического кода эпохи.¹ Конечно же, под риторикой следует понимать в этом случае не просто набор правил из теории красноречия, обеспечивающих красоту и богатство выражения, но и сам образ мышления, постигающего мир. Использование риторических приемов поэтами эпохи резких языковых изменений, лингвистических и стилистических споров и реформ, к каковой принадлежит, несомненно, и Петровское время, требует специального комплексного анализа, который способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка»,² далеко еще не осознанной во всей своей сложности, а также о соответствии теоретических рекомендаций, содержащихся в трактатах по красноречию, и реальной поэтической или ораторской практики.

Российская риторическая традиция, опиравшаяся на знания, усвоенные из античных и новоевропейских трактатов, складывалась на Украине и в Москве второй половины XVII века — прежде всего, в Киево-Могилянской коллегии и Славяно-греко-латинской академии. Необходимость в риторической «руке», направляющей развитие национального культурного кода в роли нормализующей и дескриптивной «вторичной» (функциональной) грамматики,³ возникает на рубеже XVII и XVIII столетий —

¹ Ср.: «На риторику ориентируются не только создатели текстов, но и церемониально устроенная придворная культура» — так характеризует Л. И. Сазонова культурную ситуацию в России раннего Нового времени (Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 10).

² Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47.

³ По этому поводу Р. Лахманн отмечает: «Если рассматривать функцию риторики как часть (общего) коммуникативного кода или как субкод, а именно как ту его часть, которая отвечает за построение коммуникативных ситуаций, определенных эстетической доминантой (поэтический код), то ее статус вторичной грамматики может быть подтвержден, т. к. риторика репрезентирует

в условиях начавшегося активного формирования светских жанров словесности периода «новой поведенческой парадигмы, прежней по форме, а по сути принципиально секуляризированной».⁴

Одним из основателей русской школы стихотворства и реформаторов литературного языка по праву считают Феофана Прокоповича, лингвистические, стилистические и риторические устремления которого, к сожалению, не реконструированы в полном объеме. Источниками, позволяющими прояснить теоретические воззрения Прокоповича, могут служить, прежде всего, его «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X», прочитанные в 1705–1707 годах как курсы лекций в Киево-Могилянской академии. Известные первоначально только в списках и долгое время не публиковавшиеся, эти трактаты между тем широко использовались в процессе преподавания церковного красноречия в духовных училищах России. По замечанию С. А. Кибальника, «на эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в.».⁵

Изучение поэтического творчества Феофана представляется также важнейшим и необходимым звеном для обоснования его реформаторской роли в истории русской словесности.⁶ Статья посвящена анализу некоторых особенностей «риторического портрета» Феофана Прокоповича, предпринятому прежде всего в аспекте связи Феофановых опытов в стихах с рекомендациями, данными автором в трактатах «О поэтическом искусстве» и «Об искусстве риторическом»,⁷ имеющих «статус неоспоримого культурного и языкового авторитета, статус образцов»; поэтому «закрепление в них каких-либо фактов свидетельствует о признании этих фактов языковым сознанием тоже в качестве образцовых».⁸

Материалом статьи служат риторические приемы, примененные Феофаном Прокоповичем в его стихотворных произведениях и извлеченные из собрания 1961 года.⁹ Из всех писавшихся обычно «на случай» поэтических творений Феофана при его жизни было опубликовано только одно — положивший начало российской героической поэме и торжественной оде, написанный в трех вариантах (латинском, русском, польском¹⁰) и посвященный Полтавской битве «Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о троейжде преславной побѣде», однако многие «песни» и элегии Феофана Прокоповича без указания имени их создателя распространялись в рукописных песенниках XVIII сто-

не первичный код языка, а поэтический...» (Ляхманн Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 7).

⁴ Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 35.

⁵ Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 205.

⁶ Ср. с замечанием А. А. Алексеева: «Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем „реформа Ломоносова“, заключено не в его „Предисловии о пользе книг церковных“ 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» (Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 187).

⁷ Обстоятельная характеристика трактатов Прокоповича представлена, например, в работах: Соколов А. Н. О «Поэтике» Феофана Прокоповича // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 443–449; Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей. М., 1970. С. 70–98.

⁸ Бухаркин П. Е. Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века // Риторика М. В. Ломоносова: [Коллективная монография] / Под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова, Е. М. Матвеева. СПб., 2017. С. 549.

⁹ Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. и с предисловием И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 335–455.

¹⁰ О том, какую роль играла польская словесность в становлении российской риторической культуры, см., например: Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России... С. 132–138.

летия и не могли не оказать влияния на развитие ранней российской поэзии. По замечанию А. М. Панченко, барочная и классицистическая жанровая система «была всецело зависима от риторики» и не было «ничего в поэтике, чего не было в риторике».¹¹ Поэтика и риторика Феофана тесно связаны как взаимодополняющие друг друга трактаты, готовящие будущих мастеров слова не только к ораторскому, но и к писательскому поприщу.

Начало XVIII века знаменуется не только дальнейшим ростом личностного художественного начала, но и постепенным формированием жанровой системы русского барокко и предклассицизма, шедшим параллельно с первым процессом и уже накладывавшим ограничения на свободу индивидуального творческого самовыражения. Не случайно в трактате «О поэтическом искусстве» Феофан предлагает стилистические рекомендации (точнее, предписания¹²) для многих художественных жанров, популярных в европейской литературе современной ему эпохи: «Стиль элегий должен быть средний или цветистый, слова — отобранные, но не слишком напыщенны, изречения немногословны, уподобления — кратки <...> фигуры должны встречаться чаще, главным образом такие, что служат для изображения переживаний».¹³ Стиль таких разновидностей «песен», как ода, гимн, дифирамб, «должен быть сладостным; в них необходимо применять все фигуры, которые способствуют услаждению»,¹⁴ украшать «цветами слов и мыслей». Несколько замечаний находим у Прокоповича и о басне,¹⁵ строго еще не разграниченной с притчей, имеющей библейские корни, а также сатире,¹⁶ эпиграмме,¹⁷ эпитафии.¹⁸

В труде «Об искусстве риторическом» Феофан призывает поэтов следовать главному правилу: «Остерегайся применять <...> стили повсюду в чистом виде и произвольно. <...> требует сниженного стиля тот, кто хочет наставлять, тот, кто желает доставлять усладу, — среднего, и, наконец, тот, чья цель — трогать человеческие сердца, нуждается в возвышенном стиле <...> Кроме того, одностороннее увлечение одним из этих стилей — признак негодного оратора...».¹⁹ Любителям излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз, столь характерных для эпохи барокко, Феофан смело возражает: «Стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и напоказ».²⁰ Заметим попутно, что именно средний стиль оказался между тем главным камнем преткновения для русской словесности докарамзинской эпохи.

¹¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 127.

¹² Сошлемся на трактовку модальности не столько рекомендующего, сколько предписывающего характера для ранних российских риторик у В. М. Живова: «Обнаруживая, например, что „Риторика“ Феофана почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора <...>), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает <...> При пересадке на русскую почву меняется модальность. <...> риторика превращается в устав...» (Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 928).

¹³ Феофан Прокопович. Соч. С. 439.

¹⁴ Там же. С. 442.

¹⁵ Там же. С. 378–381.

¹⁶ Там же. С. 438–439.

¹⁷ Там же. С. 444.

¹⁸ Там же. С. 452.

¹⁹ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев. М., 2020. С. 75–76.

²⁰ Феофан Прокопович. Соч. С. 378–424.

Далее анализ риторических приемов, применяемых Феофаном Прокоповичем, будет сосредоточен прежде всего на области тропов, так как эпоха барокко главное внимание уделяла поиску приемов и способов художественного выражения как стили- и жанроформирующих средств декорирования слога, поэтому особенно значимым из пяти традиционных разделов трактатов об искусстве красноречия (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*) стал для барочных поэтов и ораторов третий.

В риторике Феофана находим, согласно установившейся с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквиенции, подробное описание фигур речи (всего около 70, в том числе тропов,²¹ — соотношение логических объемов понятий «фигура» и «троп» при этом иное, чем это будет полвека спустя у М. В. Ломоносова,²² хотя сам перечень украшающих средств во многом подобен), и этот раздел оказывается одинаково полезен и составителю «слов» или «речей», и поэту. С точки зрения своего предназначения (функции) риторические приемы разделяются Феофаном на три группы: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит «гипотипозе» и «характеризму»,²³ участвующим в создании портрета, описания, и «этологии» как «нравоописательной речи»;²⁴ 2) способствующие «услаждению» речи²⁵ «гомэоза» (сравнение), метафора, метонимия, синекдоха, перифраза, аллегория, «оксиморон», параномасия, «метатеза» (хиазм), «гипербат» (инверсия), «диализа» (бессоюзие), «антономасия», антитеза, «диафора» (вид повтора) и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний»²⁶ «просопопея» (олицетворение), «климакс» (усиление, восходящая грация), гиперболо, «полисиндетон» (многосоюзие), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), сарказм и пр. Каждая из трех групп обнаруживает тяготение к «возвышенному», «среднему» («цветистому») и «сниженному» стилям, с тем уточнением, что фигуры первой группы встречаются в «возвышенном» и «цветистом» стилях, когда требуется «описывать что-либо»;²⁷ приемы второй группы не следует исключать из области «низменного» или высокого стиля, а фигуры третьего рода — из «сниженного». Таким образом, согласно рекомендациям Феофана, применение риторических средств регламентируется прежде всего стилем и жанром произведения в их соответствии с авторским замыслом, содержанием и композицией текста.

Какие же приемы из интерпретируемых Феофаном в его руководстве по красноречию применял он в собственных стихотворных опытах? Исследователи уже указывали²⁸ на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория*, тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия в искусстве барокко,²⁹ и *антитеза*, свидетельствующая о стремлении смести-

²¹ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом... С. 235; и др.

²² Ср. с первой русской «Риторикой» 1617–1619 годов, приписываемой митрополиту Макарию (подробнее см.: Волперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 10–21), противопоставляющей словесные тропы и «тропы речений» («схемы», или фигуры речи, реализуемые в предложении и повествовании), и уже гораздо более пространной ломоносовской риторической системой, в рамках которой выделяются «тропы речений», «тропы предложений», «фигуры речений» и «фигуры предложений», см. об эволюции терминологической палитры в «Словаре „Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры“»: Риторика М. В. Ломоносова. С. 9–522.

²³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом... С. 237.

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Там же. С. 251–259.

²⁶ Там же. С. 259–267.

²⁷ Там же. С. 268.

²⁸ Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014. С. 252–348; Копаниця Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуральну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 156–161.

²⁹ Ср. примененные Прокоповичем аллегории, эмблемы, метафоры и перифразы (например, «солнце», «лев», «ехидна», «щит») с рекомендациями по созданию «концептов» из барочного трактата (1654) Эммануэля Тезауро (*Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля* / Пер. с ит. Е. Костюкович. СПб., 2002. С. 7–49) — с этим известнейшим произведением итальянского риторика и поэта

вать противоположное, высокое и низкое, большое и малое. В поэтических образах Феофана, как и его предшественников, используются нередко, наряду с библеизмами, античные прецедентные имена, что создает диалог многоязычия³⁰ и широту интертекстуальных переключек в его сочинениях, и это не удивительно: все произведения Феофана Прокоповича — учебные, научные, публицистические, художественные — объединяет хорошо ему известная и признаваемая в качестве авторитетной традиция юго-западной и — шире — западноевропейской риторики, из которой, как и из лучших творений древнегреческих и римских поэтов, писатель черпал образцы художественного выражения.³¹ Поэтические и риторические руководства XVII века нередко включали словники как списки составлявшихся в помощь мастерам слова готовых тропов, фигур, формул, крылатых слов, цитат из античных авторов, Библии. При этом часто переплетались, не противореча друг другу в пределах одного контекста, античные (например, у Феофана Прокоповича — «жестокий Марс» в «Епиникионе» и торжественных «словах», «Апполин великий» в послании «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры») и христианские образы (в Феофановом послании «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино» «вертоград широкий», создающий аллюзийные связи не только с Библией, но и поэзией Симеона Полоцкого).³²

Проведенный в рамках подготовки данной работы анализ риторических приемов показывает, что Феофан предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения в своей стихотворной речи те из них, которые в трактате «De arte rhetorica libri X» относятся к приемам второй группы, т. е. «украшающим». «Цветы» мысли и слова создаются прежде всего не упоминаемыми у Феофана в качестве особого вида фигур *эпитетами*,³³ как, например,

Феофан Прокопович мог познакомиться в Риме. Впрочем, более важную роль в создании Феофанова слога могли сыграть произведения святоотеческой литературы, переводы с греческого, гимны Иоанна Дамаскина или «Великий канон» Андрея Критского, слова Григория Назианзина, произведения Максима Грека, словесность орнаментально-риторического стиля «плетения словес».

³⁰ По наблюдениям исследователей, набор аллюзий и — шире — иных приемов художественной выразительности не аналогичен в латинской, польской и русской редакциях произведений Феофана Прокоповича (см., например: Трофимов А. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353), поэтому может стать предметом специального сопоставительного анализа. Анализ риторических приемов, примененных Феофаном Прокоповичем в его латиноязычной поэзии, не входил в задачи данной работы (см. об этих произведениях, например: Луцкая Ф. И. Место и функции эпиграммы в латиноязычной поэзии Ф. Прокоповича // Питання класичної філології: Інземна філологія. Львів, 1979. Вип. 55. № 16. С. 104–112; Smorczewska H. Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku // Tradycja i inwencja: Wątku i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Łódź, 1999. S. 73–81; Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории XVII — первой половины XVIII века. М., 2000. С. 80–94, 101–112, 117–119; Бударагина О. В. Латинская сатира Феофана Прокоповича на Георгия Дашкова (публикация текста и комментарий) // Philologia classica. 2020. Т. 15. № 2. С. 261–277).

³¹ Библиотека Симеона Полоцкого включала подобные руководства с латиноязычными списками *Locī communes*; см. об этом: Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. С. 166–168. Феофан Прокопович, посетивший Италию, также знакомился с образцами античной и новолатинской учености, трактатами и словарями. Известен такой факт: Феофан преподнес А. Д. Кантемиру в ознаменование признания его поэтического дара трактат «De Deis gentium» итальянского ученого-энциклопедиста Джиральди, который «пользовался широкой известностью в Западной Европе в XVI–XVII веках, считаясь одним из лучших и наиболее полных руководств по мифологии античного мира, неистощимым источником цитат и представлений о божествах греков и римлян» (Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков: Сб. статей, посвященных В. А. Десницкому. М.; Л., 1959. С. 22).

³² См. подробнее об усвоении античной образности: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предиссии русской культуры. М., 2002. С. 461–531.

³³ Хотя сам термин «эпитет» в риторике Прокоповича встречается; см., например: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом... С. 254, 411.

в «Епиникионе» 1709 года: «*вътийских устен*», «*плач умилный*», «*главы проклятыя*», «*лестной ереси*», «*супостат свирѣпий и дивый*», «*род благовѣрный*»,³⁴ «*лютаго фараона*», «*благополучными обѣты*», «*бѣс яростный*», «*змѣнник неистовый*», «*дивна Гордость*» (с. 210), «*свѣй дерзкий*», «*бог сильный*», «*род лютый*» (с. 211), «*хробрый России*» (с. 212), «*род вѣрный*», «*Крест <...> золотый*» (с. 214).

Насыщенность церковнославянизмами — характерная примета победной песни «Епиникион», характеризовавшейся Г. А. Гуковским как относящееся к высокому стилю «официальное произведение, написанное усложненным стилем, славянизированным языком, с применением риторических украшений и мифологических образов».³⁵ В «Епиникионе» с помощью «высоких» эпитетов победа русского оружия над шведским изображается как одоление чуждой веры, несправедливого воинства, свержение бесовства и ереси. Тем самым благодаря подобным эпитетам формируется антитетичность, с одной стороны, добра, блага, с другой — зла, лукавства; контраст дня, света просвещения, солнца и ночного мрака, тьмы языческого невежества; противопоставление «своих», «правовѣрного воинства» верных государю сторонников, и предателей-перебежчиков, врагов — «варваров», «еретиков» и др. Высокие церковнославянизмы, атрибуты-библизмы характерны не только для «победной» торжественной оды, но используются Феофаном и в переложениях псалмов — «кантах» (год создания точно не установлен):

Не страшен тебѣ *нощный вран* и стрѣлы <...>
 Ни *блѣдный* примрак, в тмѣ людей *страшащий*,
 ниже бѣс *черный*, в полудни *ходящий* <...>
 Велит бо своим слугам *велельпным*
 стрещи тя *вездѣ оком неусыпным*.
 Слыши самого *неложное слово* <...>
 С ним есмь во скорби и подам *избаву*
 и еще к тому *неложную* славу,
 И дам вѣк ему *долгий* и *пространный*
 и введу его в живот *общанный*...
 (с. 225)

Не страшен из облак *гром парящий*,
 ниже вѣтр, от южных стран *шумящий*.
 (с. 226)

Некоторые атрибутивные словосочетания почерпнуты Феофаном, вероятно, из богатейшей летописной традиции — например, репрезентация «*лютая* <...> *брань*» (с. 213) отсылает нас к формульным контекстам повествования о воинских подвигах русичей — см. начало батального нарратива в Софийской I летописи: «И бысть им *брань люта* и сеча зла».³⁶ Похожее словоупотребление находим у Феофана и в произнесенном в том же 1709 году, когда была создана «песнь победная», «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу»: «...подобает мне первое глаголати о победенного супостата силе, дерзости, мужестве, к тому о тяжести и *лютости брани*» (с. 24). Панегирический стиль, объединяющий многие стихотворные и прозаические творения Прокоповича, был стилем эпохи, поэтому исследование роли жанров летописи и «слова» как речи духовной либо эпидейктической (парадной) в становлении российской лирики³⁷ может стать задачей специального анализа.

³⁴ Феофан Прокопович. Соч. С. 209. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. Здесь и далее курсив мой. — Н. П.

³⁵ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 23.

³⁶ Софийская I летопись старшего извода // Полн. собр. русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 441. Курсив мой. — Н. П.

³⁷ За рамками статьи, к сожалению, остается сопоставление многих Феофановых поэтических приемов с его ораторской прозой, а также с поэтическими и риторическими творениями Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Кариона Истомина — с широко использовавшимися уже

Топосы Феофана продолжают и мотивы ранней барочной поэзии, первых на российской почве переложений псалмов: так, лирическое искусство Феофан называет «*златым Органом рифмотворческим*» (с. 209) — ср. с «Псалтырью рифмотворной» Симеона Полоцкого.³⁸

Привлечение эпитетов подчиняется у Феофана стили- и жанрообразованию. Так, уже в гораздо более скромном количестве восходящие к библейским текстам, старо-славянские по происхождению атрибуты встречаются в элегии «Запорожец кающийся» 1709 (?) года: «Страны *гладны и безводны*», «*страшной муки*», «*разум твердый*», «*бог и царь милосердый*» (с. 215). В элегическом и песенном роду у Феофана нередко сталкиваются образы, сближающие текст с народно-поэтической традицией — с одной стороны, и восходящие к античной культуре — с другой, например, в песне «За Могилоу Рябою» (предположительно 1711 года): «*пострѣл рѣский*» и «*Марс жестокий*» (с. 215), — возникает барочное контрастирующее смешение «высокого» и «низкого». То же столкновение устно-поэтического и книжно-литературного начал Феофан продолжает в 1730 году, создавая элегию «Плачет пастушок в долгом ненастьи»: «весела ведра и дней красных», «милость прещедра небес ясных», «крайним голодом», «вод дождевных», «воплей плачевных» (с. 216). Фольклорные эпитеты встречаются в других песнях («кантах») Феофана, например в «Прочь уступай, прочь» 1730 года: «*ясный свѣтъ*», «*красный цвѣтъ*» (с. 218).

Многие эпитеты Феофана кажутся столь свежими, резко изменяющими обычные нормы лексической сочетаемости, что заслуживают право называться окказиональными, хотя вопрос этот, разумеется, нуждается в специальном изучении с опорой на предшествующую традицию. Количество таких претендующих на новизну и оригинальность атрибутов возрастает с течением времени: «*безбѣдно здравие*» («Епиникион», с. 209), «*бездѣльныя стрѣлы*» («Епиникион», с. 212), «*малоразсуднаго сердца*» («Запорожец кающийся», с. 214), «*мокротным хладом*» («Плачет пастушок в долгом ненастьи», с. 216), «*жар зловиновный*» (Эпиграмма «К лихорадкѣ в лихорадкѣ», с. 224), «*мучитель въпровидный*» (кант «Кто крепок, на бога уповая», с. 226). Необычный образ в звательной форме «*пророче рогатый*» (послание 1730 года «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры», с. 217) уже обращал на себя внимание исследователей: так, М. П. Алексеев, не соглашаясь с точкой зрения С. П. Шевырева, мотивировавшего Феофанов эпитет, как и термин «сатира», именем мифологического рогатого козлоногого существа сатира-фавна, считает возможной контаминацию

ранними российскими стихотворцами приемами «остроумия» и «концептизма», а также общими лингвостилистическими устремлениями эпохи барокко и классицизма. Надеемся, что подобное сопоставление станет темой одной из следующих статей. О влиянии Феофановых речей на жанры классицистической словесности см.: Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9. С. 50–80.

³⁸ И. З. Серман указывал на тесную связь с «Псалтырью рифмотворной» переложений псалмов 36 и 72, на тенденцию к «обмирщению» библейских мотивов (Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 225–226, 232). Переложения псалмов 36 и 72 опубликованы, как известно (Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 252–259 (Библиотека поэта. Большая сер.)), как принадлежащие А. Д. Кантемиру, однако Т. Е. Автухович, проведя тщательный анализ историко-биографических обстоятельств создания переложений и их поэтики, установила, что автором этих двух произведений был не Антиох Кантемир, а Феофан Прокопович, см.: Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связи с искусством и наукой. С. 154–160. Автор планирует расширить анализ этих переложений псалмов отдельную работу, поэтому к разбору в данной статье не привлечен материал этих двух произведений, как и приписываемых с разной степенью доказательности Феофану иных стихотворений («Песня светская», «К требователю сатиры Г.С.А.К.» и др.); см. о спорах вокруг атрибуции текстов в связи с авторством Феофана Прокоповича: Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 506–510; Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII века // Русская литература. 1976. № 2. С. 91–94; Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 160–166; Буранок О. М. Лирика Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара, 2005. С. 296, 378–384.

нескольких смыслов,³⁹ восходящих, вполне вероятно, к церковнославянскому существительному «рогъ» в известном Библии, но не закрепившемся в русском языке переносном значении ‘сила, крепость, преимущество’⁴⁰ и к употреблявшемуся логиками и риториками с античных времен обороту «рогатый силлогизм», в котором атрибут имеет значение ‘хитроумный’. Широчайшая начитанность Феофана Прокоповича в области античной, новолатинской литературы и старорусской церковной словесности допускает предположение подобной семантической игры, каламбурности, отвечающей сатирическому жанру, в котором первенствовал молодой А. Д. Кантемир — адресат Феофанова послания. Образ рога в метафорическом употреблении встречается и в адресованном Анне Иоанновне поздравительном канте 1731 года «Прочь уступай, прочь»: «Силы твоя *рогъ*» (с. 218).

Эпитеты Феофана получали известность, несмотря на отсутствие публикации произведения, и дальнейшее хождение, например, в девятой сатире А. Кантемира «На состояние сего света. К Солнцу» 1738 года: «...сей свет состоит, так всем злым причастный, / Всех бедств, мерзостей полон, во всем суестрастный»,⁴¹ — авторство этого произведения вызывало сомнения, но в данном случае важен сам факт переключки с Феофановой эпитафией 1734 года «Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафийон»: «мир *суестрастный*» (с. 220).

Феофанову «тверду дерзость» из «Епиникиона» использует позднее в своем «Водопаде» Г. Р. Державин, ср.: «В полках же православных бог непостижимый / <...> вливает *тверду / Дерзость*, но не безбожну и не жестосерду» (с. 210); «Достойный подвиг Росской силе, / Стихии самые поправить / В Очакове и в Измаиле, / И *твердой дерзостью* такой / Быть дивом храбрости самой?»⁴²

Второе место после эпитетов по степени активности в стихотворениях Феофана принадлежит различного типа *повторам*, в том числе анафорам, «диафорам» как возвратам к уже употребленному слову, анадиплосисам-«подхватам», «удвоениям», эпифорам-созвучиям концов попарно рифмующихся строк. Повторы способствуют созданию эффекта амплификации, почерпнутого у древних (подобные примеры, ссылки дает в своей риторике сам Прокопович) и — одновременно — сближающего Феофанов слог со старорусским стилем «плетения словес». Повторы играют особую структуро-, смысло-, рифмо- и ритмообразующую роль в поэтическом синтаксисе Феофана независимо от жанра стихотворения — оды, канта, элегии, надписи, послания, эпиграммы.

Повтор лексический и морфемный, в том числе анафора:

...боже всесильный... бог всемогущий...
 Нынѣ и день лучшею красен добротою,
 И солнце множайшая луча испущает,
 И лицѣ краснѣйшее цвѣтъ полный являет (с. 209);
 Летит свѣй, летит купно змѣнник неистовый (с. 210);
 Страшное блистание, страшный и великий
 Град падает желѣзный; обаче толикий
 Страх не может России сил храбрых сотерти... (с. 210);
 Пѣти будет веселник по морю пространном;
 Пѣти будет на холмѣ путник утружденный... (с. 213);
 ...легчишь легка в звуку... (с. 221).

Звуковые повторы и паронимия:

... По всей же вселенной
 Разсѣй велегласие въсти торжественной! (с. 209);

³⁹ Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича. С. 43.

⁴⁰ См.: Словарь Академии Российской. Ч. 5. Ст. 151.

⁴¹ Кантемир А. Собр. стихотворений. С. 189.

⁴² Державин Г. Р. Соч. М., 1985. С. 114. Курсив мой. — Н. П.

*На отца отчества мещеши меч дерзкий!..
Но и здѣ непостоян злый змѣнник явился,
Змѣнив царю и Марсу... (с. 210).*

Повтор с одновременным применением хиазма (метатезы):

*И оповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своимъ очима
Видѣ то, внуци старца нарекутъ блажима.
(с. 213)*

Метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, аллегории, олицетворения, парафразы, антономасии, гиперболы применяются в одическом по своей жанровой природе «Епиникионе...», в торжественном цикле стихотворений, посвященных Анне Иоанновне, и, напротив, гораздо более редки в Феофановых шуточных стихотворениях, жалобных элегиях и эпитафиях.

Среди *метафор* преобладают именные с учетом активности эпитетов, а также перифраз, основанных на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении⁴³ («сотре ад» (с. 210), «гражданского ада» (с. 217), «разрушит <...> живот и пойдешь в ров земный» (с. 225) и пр.), когда одна поддерживает в контексте предложения и целого произведения другую, развертываясь морфологически разнообразно. Наличие среди тропов «общих мест» в словесности риторической эпохи оценивалось как нечто положительно необходимое, узнаваемое как знак семиосферы (топики) «своей» культуры, в том числе и Феофаном в его поэтике, когда он призывает подражать, учиться у древних искусству. Так, комментируя образ небесной оружейной палаты у Торквато Тассо, Феофан замечает, что это означает «покров Божий», «возмездие Божие» (с. 404). Свидетельство подобной символической традиции находим у Феофана и в переложении псалма «Всяк себе в помощь вышняго предавай...», и в «Епиникионе»:

*Бог милосердый..
Ты мой заступник, ты мой и щит твердый... (с. 224);
О, блажен еси, в божѣ уповая,
он бо от тебе отвратитъ вся злая..
Он своихъ рамен и своихъ крылъ щитомъ
тебе покрываетъ предъ всякимъ навѣтомъ (с. 225);
...Абие бо отъ горняго дому
Низпосла щитъ (щитъ, им же во лютое время
Хранитъ грады, и царства, и людское племя) (с. 212).*

Анадиפלосис подчеркивает важность библейской метафоры. Развивающая идею противостояния «своего» и «чужого» мира метафора щита была популярна уже в источниках XII–XVI веков и встречается в «Успенском сборнике», «Великих Минеях-Четиях», святоотеческих поучениях, требниках и др. памятниках⁴⁴ (см. также Давидов псалом 143 против Голиафа). Кроме того, Феофан подчеркивает, что в самом Священном Писании «можно заметить даже много фигур, тропов и много других [риторических] украшений»,⁴⁵ приводя примеры метафор, аллегорий, гипербол, олицетворений и т. п.

⁴³ В дальнейшем, в направлении к XX веку, роль тропов, в том числе метафор, выраженных существительными, увеличивается (см.: Кожевникова Н. А. Избр. работы по языку художественной литературы / Под общ. ред. З. Ю. Петровой. М., 2009. С. 531–600).

⁴⁴ Данные см.: Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014. С. 210, 239–240.

⁴⁵ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом... С. 421.

Метафора участвует у Феофана в создании таких «общих мест» оды и панегирика,⁴⁶ как мотивы «протяженности России», «золотого века» (времени), монаршей славы и силы, противостояния света и тьмы и пр. Так, сопоставление монарха с Богом, управляющим своей паствой, и солнцем, мотив сияния присутствуют у Феофана как пришедшие в российскую виршевую поэзию из западноевропейской, поддержанные библейскими текстами, житийной литературой и уже ставшие традицией сравнения: «Дал Петру стадо свое *упаси* спаситель...» (надпись «К Петру Второму» 1728 года, с. 216); «*Солнце Анна возсияла*» (кант «Прочь уступай, прочь», с. 218); «*Стала нам солнцем, грьющим лучами Твой всероссийский вертоград...*» (послание 1732 года (?)) «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино», с. 219) — ср. с использованием солярного символа у Сильвестра Медведева.⁴⁷

Метафорическое значение лексемы «яд», известное Библии, западноевропейской словесности и ранней виршевой российской поэзии, активно используется Феофаном: «*яд звёрный*» (с. 210); с ядом сравнивает «частий взгляд» Феофан и в «Песне светской».⁴⁸ Эта традиция будет продолжена А. Кантемиром и М. Ломоносовым: «Того вы мужа, что приятна зрите / Лицом, что в сладких словах, клянись небом, / Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! — *Яд* под мягким хлебом»⁴⁹ (А. Д. Кантемир, «Песнь III. На злобного человека», 1735 год); «Пусть злобна зависть *яд* свой льет...»⁵⁰ (М. В. Ломоносов, «Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»).

Развертывание морфологически разнообразной метафорической парадигмы образов совершается Феофаном не только в среднем стиле послания (например: «...*сладка* твоя добродѣтель <...> *течи* путь изрядный, коим книжные *теклы* исполины. / И пером смѣлим *мещи* порок <...> И *разрушай* всяк обичай злонравный <...> *плод* учений не един *искусить...*» («Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры», с. 216)), но и в низком «шутливом» цикле: «*Солод* твой, о экономе, *кажется сад Ноев* <...> *Бъжит* прочь *жажда*, *бъжит* прочь и печальный *голод...*» («Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму», 1735 (?), с. 222). Однако метафоризация в жанрах эпиграммы и шутливого стихотворения «на случай» все же не так активна, как в одах и переложениях псалмов: причина этого кроется, думается, в основном источнике силлабической топики — Псалтыри, более соответствующем цели украшения высоких поэтических жанров (эта тенденция сохраняется и далее — в классицистической оде, гражданской оде и переложениях псалмов эпохи романтизма). Эта же библейская символика активна в похожих больше на судебные речи, чем на увещательные-панегирические проповеди, «словах» Феофана 1710–1720-х годов.⁵¹

Перифраза у Прокоповича служит целям формирования высокого слога: так, в «Епиникионе» антитеза православного русского начала и католического иноземного зиждется и на использовании образов «Марса <...> многобѣдного» (с. 213) (о Карле XII), и «рускаго Марса» (с. 214) (о Петре I; вероятно, не без влияния «победной песни» Феофана в «Элегии о смерти Петра Великого» В. К. Тредиаковский также прибегнет к антономасии и использует тот же аллегорический образ римского бога войны); антитеза дополняется именованием гетмана И. Мазепы «отчества враг велий» (с. 209). Иные перифрастические обороты Феофана являются номинациями сакраль-

⁴⁶ См. подробнее: Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 103–125.

⁴⁷ Илюшин А. А. Из наблюдений над текстами силлабических стихотворений XVII — начала XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2. С. 266.

⁴⁸ См.: Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII века. С. 92.

⁴⁹ Кантемир А. Собр. стихотворений. С. 198.

⁵⁰ Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 68 (Библиотека поэта; Большая сер.).

⁵¹ См., например: Казарлицкий Ю. В. Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 39–48.

ного мира: «от горняго дому» (с. 212) в «Епиникионе», «небесныя горы» (с. 220) в эпитафии «Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафийон» 1734 года, «божией державы» (с. 224) в канте «Всяк себе в помощь вышняго предавай...».

Обращает на себя внимание каламбурное обыгрывание Феофаном в традициях барочного «концептизма» внутренней формы имени, аппликация прямых и переносных значений: «Ни с каких сторон *свѣта* не видно, — все *ненастье*» (с. 216) в элегии «Плачет пастушок в долгом *ненастьи*»; «...*солнце* несозданно да хранит свѣтъ твой, *солнце* наше *Анно!*» (с. 219) в послании «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино»; «Что *слава* *Станислава* богом своим *славит*, / *Станислав* бо в имени будто *славу ставит*. / Сама она не в одном показала дѣлѣ, / В какой ты, *Станиславе*, *славу ставишь* силе» (с. 221) в эпиграмме «О Станиславѣ Лещинском, дважды от короны польской отверженном...», 1734 (?).

Олицетворение, одушевление — редкий прием в стихотворениях Феофана: «...*грядет* мир веселый / И <...> *здравие ведет* со собою <...> *побѣда ждет*» (с. 209–210); «Внийде брань...» (с. 213); «...*злость* дураков язык свой *прикусит*...» («Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры», с. 217); «*Печальная ночь!* / *Солнце* <...> / *Радость родит*» (с. 218); «А безумныя *печали* / *Знать того не допускали*, / И *злоба звѣрна* / И *спесь безмѣрна* / *Зело в том мѣшали*» (с. 225). Еще более редки метонимия и синекдоха: «*Россия* весела и рада...» (с. 217); «...ты, о *бородушка*, залучил солодушка...» (с. 223). Сравнение («гомэоза») используется чаще, причем получает форму не только краткого сравнительного оборота, но более пространной описательной конструкции, как в «Епиникионе»: «...поражен силою десницы твоея, / *Аки с небес молнием*...» (с. 210); «...*аки море* земля потрясется...» (с. 213); «...многия *воскорѣ* / *Излѣтеша* молния; не таков во *морѣ* / *Шум слышится*, егда *вътр на вътр ударяет*, / *Ниже тако гром з темных облаков рыкает*, / *Яко гремят армати*...» (212).

Остротами-«приправами мысли», которые рекомендовал Феофан использовать риторам, оказываются выразительные оксюмороны и парадоксы в элегии и послании: «О *многобѣдно* мое *щастье!*» (с. 216); «...ты и без *щастья* довольно *щастливый*» (с. 217).

Гиперболизация, сарказм и ирония применяются Прокоповичем и в «высоком» жанре (против врагов-«варваров» и «еретиков»), и в эпиграммах. Приведем примеры гипербол из канта «Всяк себе в помощь вышняго предавай...» и эпиграммы «К сложению лексиков»: «...всѣх мук роды сей один труд в сѣбе имѣет» (с. 224); «...тысяща и тьмы упадет на брани, / Но к тебѣ в той час и время то злое не приблизится бѣдство ни малое» (с. 225).

«Амплефекovati», или «наращати слова»⁵² — обычное требование руководств по красноречию XVII — начала XVIII века. К амплификации относятся такие приемы, как «приращение» (например, в виде градаций), «сравнение» и «нагромождение» посредством введения синонимов, «побочных обстоятельств», перечисления,⁵³ полисиндетона, обилие риторических восклицаний, вопросов и обращений:

О суетный человекѣ, рабе неключимый,
Как-то ты далеко бродишь мечтанми твоими!..
Как же то предстанешь Богу, невидѣвший Бога?
И коль страшна правда его и милость коль многа!..
О прегоркая година,
Еще ж бы была кончина!

(с. 225–226)

Архитектоника силлабических творений Феофана, относящихся к «высокому» слогу, может показаться читателю переусложненной, тяжеловесной, однако мы не

⁵² См. подробнее: Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века. Петрозаводск, 2002. С. 180–190, 201–202.

⁵³ Там же. С. 416–418.

найдем здесь ничего из того, что осуждал Прокопович в своей риторике: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности».⁵⁴ Более того, «речь может быть размеренной только в силу изобилия слов», из которых складываются «звенья», «колонны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца», поэтому мерное течение речи в Феофановых стихотворениях разворачивается часто в виде многочленного периода.⁵⁵

Таким образом, разнообразные «цветы мысли» — риторические фигуры Феофана — сочетают библейскую и античную традиции, образы миров сакрального и профанного, служат обоснованию идеологически и нравственно важных для него как сторонника петровских преобразований явлений, разворачиванию исторических сюжетов и отражению событий собственной биографии. Риторические приемы Феофана способствуют, помимо «услаждения» и «украшения» речи, еще и строительству нового светского языка. Обилие метафор, эпитетов, аллегорий, перифраз в «Епиникионе» и уже гораздо более скромное их использование в 1730-е годы свидетельствуют об эволюции его взглядов на риторические образцы и подтверждают высказывавшееся исследователями языка и слога Прокоповича мнение: «...если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык».⁵⁶ Об этом же говорит и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Истории Петра Великого» и «Духовного регламента» (1718)) и демонстрирующая приверженность раннего Феофана-поэта церковнославянской культурной стихии.⁵⁷ В стихотворениях позднего этапа (конца 1720-х — начала 1730-х годов⁵⁸) снижается частотность многих «фигур словесных» и «смысловых» в системе средств художественной выразительности, служащих «услаждению» речи и «возбуждению переживаний», что соответствует поддержанной Феофаном установке на создание нового («простого») языка.

Применение Феофаном риторических приемов в своих главных чертах вполне коррелируется с его же поэтикой и теорией красноречия, а также свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал еще А. М. Панченко.⁵⁹ При том что сам спектр фигур речи довольно широк, отсутствие напыщенных декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтического и ораторского соблюдения достаточно строго в силлабических творениях самого риторика. Не случайно призыв к отмене барочного «пиитического» и риторического аппарата прозвучал, вероятно, впервые именно в трактатах Феофана Прокоповича, — в связи с этим закономерно, что и своим стихотворческим даром суровый и строгий сподвижник петровских преобразований стремился продемонстрировать новую же для российской словесности стилистику, риторику и поэтику, проложившую дорогу русскому классицизму.

⁵⁴ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом... С. 45–53. Ср. с еще одной рекомендацией Феофана: «Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» (Там же. С. 158).

⁵⁵ Там же. С. 210, 213. О периоде см.: Там же. С. 216–219.

⁵⁶ Живов В. М. История языка русской письменности. Т. 2. С. 981.

⁵⁷ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и для других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком разговорным» (Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 123).

⁵⁸ Риторические и языковые особенности переложений псалмов позволяют заключить, что принадлежат они, по всей видимости, киевскому периоду творчества Феофана.

⁵⁹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 240–241.

40. *Prokof'eva N. N.* O drevnerusskikh istochnikakh dvukh pritch V. Kiukhel'bekera // *Lite-ratura Drevnei Rusi*. M., 1988.
41. *Robinson M. A.* Metodologicheskoe novatorstvo V. N. Perettsa v izuchenii istorii literatury. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo // *Slavianskii al'manakh*. 2020. № 3/4.
42. *Shibaev M. A.* «Vetshanye» minei i rekonstruktsiia sbornikov XV v. iz biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrja // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. SPb., 2014. T. 62.
43. *Tereshkina D. B.* «Chet'i Minei» i russkaia slovesnost' Novogo vremeni. Velikii Novgorod, 2015.
44. *Tkachenko V. V.* Istoriia Drevnei Rusi v «Zhitiiakh sviatykh» Dimitriia Rostovskogo // *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: Sb. materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentiabria 2019 g., Moskva, Rossiia)*. M., 2019 (Prilozhenie k zhurnalu «Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki»).
45. *Voitenko A. A.* Legenda o rozhenii i detstve sv. Onufriia // *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Ser. III. Filologiya*. 2017. Vyp. 50.
46. *Volkov A. V.* Zhitiiia sviatykh v «Keleinom letopistse» Dimitriia Rostovskogo kak istochnik po sviashchennoi istorii // *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. M., 2023. Sb. 22.
47. *Zhilenko I. V.* K voprosu o glavnom istochnike pervogo toma Zhitii Sviatykh sv. Dimitriia Tuptala-Savicha // *Mogilianskie chteniia. Materialy ezhegodnykh nauch. konf., 1996–1997*. Kiev, 1998.
48. *Zubov V. P.* Sviatitel' Dimitrii Rostovskii // *Russkie propovedniki. Ocherki po istorii russkoi propovedi*. M., 2001.
49. *Isichenko Iu. A.* Kievo-Pechers'kii paterik u literaturnomu protsesi kintsia XVI — pochatku XVIII st. na Ukraïni. Kiïv, 1990.

Наталья Викторовна Патроева

профессор Петрозаводского государственного университета

Natal'ia Viktorovna Patroeva

Professor, Petrozavodsk State University

ORCID: 0000-0003-3836-6393

nvpatr@list.ru

ОТРАЖЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА В ЕГО ПОЭЗИИ

THEORETICAL VIEWS OF FEOFAN PROKOPOVICH AS REFLECTED IN HIS POETRY

В статье рассматривается система тропов и фигур речи, применяемых Феофаном Прокоповичем в его стихотворных произведениях в соотнесенности с рекомендациями трактатов «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X». Спектр и количество используемых Феофаном-поэтом риторических приемов свидетельствуют об «умеренном» характере его барочных устремлений.

Ключевые слова: риторика, теория и практика красноречия, история русской риторической традиции, тропы и фигуры речи, индивидуальный слог Феофана Прокоповича.

The article discusses the system of tropes and figures of speech used by Feofan Prokopovich in his poetic works, and their juxtaposition to the guidelines from the treatises *De Arte Poetica* and *De Arte Rhetorica Libri X*. The range and number of rhetorical solutions used by Feofan the poet testify to the «moderate» nature of his Baroque aspirations.

Key words: rhetoric, theory and practice of eloquence, history of the Russian rhetorical tradition, tropes and figures of speech, Feofan Prokopovich's individual style.

Список литературы

1. *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой.

2. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013.
3. Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков: Сб. статей, посвященных В. А. Десницкому. М.; Л., 1959.
4. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014.
5. Бударагина О. В. Латинская сатира Феофана Прокоповича на Георгия Дашкова (публикация текста и комментарий) // *Philologia classica*. 2020. Т. 15. № 2.
6. Буранок О. М. Лирика Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара, 2005.
7. Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014.
8. Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1.
9. Бухаркин П. Е. Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века // Риторика М. В. Ломоносова: [Коллективная монография] / Под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова, Е. М. Матвеева. СПб., 2017.
10. Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
11. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей. М., 1970.
12. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.
13. Державин Г. Р. Соч. М., 1985.
14. Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16.
15. Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2.
16. Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М., 2002.
17. Илюшин А. А. Из наблюдений над текстами силлабических стихотворений XVII — начала XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2.
18. Кагарлицкий Ю. В. Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Изв. Академии наук. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5.
19. Кантемир А. Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; подг. текста и прим. З. Я. Гершковича. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая сер.).
20. Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте.
21. Коженикова Н. А. Избр. работы по языку художественной литературы / Под общ. ред. З. Ю. Петровой. М., 2009.
22. Копаниця Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1.
23. Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века.
24. Лахманн Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001.
25. Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории XVII — первой половины XVIII века. М., 2000.
26. Ломоносов М. В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и прим. А. А. Морозова. Л., 1986 (Библиотека поэта; Большая сер.).
27. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.
28. Луцкая Ф. И. Место и функции эпиграммы в латиноязычной поэзии Ф. Прокоповича // Питання класичної філології: Інземна філологія. Львів, 1979. Вип. 55. № 16.
29. Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века. Петрозаводск, 2002.
30. Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2.
31. Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII века // Русская литература. 1976. № 2.
32. Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века.
33. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
34. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
35. Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987.
36. Серман И. З. «Псалтырь рифмованная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.

37. Соколов А. Н. О «Поэтике» Феофана Прокоповича // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.
38. Софийская I летопись старшего извода // Полн. собр. русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.
39. Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля / Пер. с ит. Е. Костюкович. СПб., 2002.
40. Трофимов А. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4.
41. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
42. Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подг. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; комм. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М., 2020.
43. Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. и с предисловием И. П. Еремина. М.; Л., 1961.
44. Smorczewska H. Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku // Tradycja i inwencja: Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Łódź, 1999.

References

1. Alekseev A. A. Ocherki i etjudy po istorii literaturnogo iazyka v Rossii. SPb., 2013.
2. Alekseev M. P. «Proroche rogatyi» Feofana Prokopovicha // Iz istorii russkikh literaturnykh otnoshenii XVIII—XX vekov: Sb. statei, posviashchennykh V. A. Desnitskomu. M.; L., 1959.
3. Avtukhovich T. E. Ob avtorstve «Metaphrasis ps. 36» i «Metaphrasis ps. 72» // XVIII vek. L., 1986. Sb. 15. Russkaia literatura XVIII veka v ee svyaziakh s iskusstvom i naukoj.
4. Balashova L. V. Russkaia metafora: proshloe, nastoiashchee, budushchee. M., 2014.
5. Budaragina O. V. Latinskaia satira Feofana Prokopovicha na Georgiia Dashkova (publikatsiia teksta i kommentarii) // Philologia classica. 2020. T. 15. № 2.
6. Bukharkin P. E. Ritoricheskie traktaty kak material dlia istorii russkogo literaturnogo iazyka serediny XVIII veka // Ritorika M. V. Lomonosova: [Kollektivnaia monografiia] / Pod red. P. E. Bukharkina, S. S. Volkova, E. M. Matveeva. SPb., 2017.
7. Bukharkin P. E. Ritorika i istoriia literaturnogo iazyka // Mir russkogo slova. 2017. № 1.
8. Buranok O. M. Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny XVIII veka. M., 2014.
9. Buranok O. M. Lirika Feofana Prokopovicha i istoriko-literaturnyi protsess v Rossii pervoi treti XVIII veka. Samara, 2005.
10. Derzhavin G. R. Soch. M., 1985.
11. Eremin I. P. K voprosu o stikhotvoreniiakh Feofana Prokopovicha // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1960. T. 16.
12. Feofan Prokopovich. Ob iskusstve ritoricheskome desiat' knig / Per. G. A. Stratanovskogo; otv. red. S. I. Nikolaev; podg. teksta E. V. Markasovoi, S. I. Nikolaeva; komm. E. V. Markasovoi; nauch. red. per. E. V. Vvedenskaia. M., 2020.
13. Feofan Prokopovich. Soch. / Pod red. i s predislavie I. P. Eremina. M.; L., 1961.
14. Gukovskii G. A. Russkaia literatura XVIII veka. M., 1999.
15. Iliushin A. A. Iz nabliudenii nad tekstami sillabicheskikh stikhotvorenii XVII — nachala XVIII veka // Germenevtika drevnerusskoj literatury. M., 1989. Sb. 2.
16. Kagarlitskii Iu. V. Tekst Sv. Pisaniia v propovediakh Feofana Prokopovicha // Izv. Akademii nauk. Ser. literatury i iazyka. 1997. T. 56. № 5.
17. Kantemir A. Sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia F. Ia. Priimy; podg. teksta i prim. Z. Ia. Gershkovich. L., 1956 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
18. Kibal'nik S. A. O «Ritorike» Feofana Prokopovicha // XVIII vek. L., 1983. Sb. 14. Russkaia literatura XVIII — nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste.
19. Kochetkova N. D. Oratorskaia proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniia literatury klassitsizma // XVIII vek. L., 1974. Sb. 9. Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi chetverti XVIII veka.
20. Kopanitsia L. «Epinikion» Feofana Prokopovicha: do pitannia pro tekstual'nu strategiiu panagirichnoi poezii v pis'menstvi XVIII stolittia // Literatura. Fol'klor. Problemi poetiki: Zbirnik naukovikh prats'. Kiiv, 2012. Vip. 37. Ch. 1.
21. Kozhevnikova N. A. Izbr. raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury / Pod obshch. red. Z. Iu. Petrovoi. M., 2009.
22. Lakhmann R. Demontazh krasnorechiia: ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo. SPb., 2001.
23. Liburkin D. L. Russkaia novolatinskaia poeziia: Materialy k istorii XVII — pervoi poloviny XVIII veka. M., 2000.

24. *Lomonosov M. V.* Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, sost. i prim. A. A. Morozova. L., 1986 (Biblioteka poeta; Bol'shaia ser.).
25. *Lutsevich L. F.* Psaltyr' v russkoi poezii. SPb., 2002.
26. *Lutskaia F. I.* Mesto i funktsii epigrammy v latinoiazychnoi poezii F. Prokopovicha // Pitannia klasichnoi filologii: Inozemna filologiii. L'viv, 1979. Vip. 55. № 16.
27. *Markasova E. V.* Predstavleniia o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka. Petrozavodsk, 2002.
28. *Nichik V. M., Rogovich M. D.* Feofan Prokopovich v rukopisnykh sbornikakh XVIII veka // Russkaia literatura. 1976. № 2.
29. *Nikolaev S. I.* O kul'turnom statuse pol'skogo iazyka v Rossii vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII veka // Russkaia literatura. 2015. № 2.
30. *Panchenko A. M.* O smene pisatel'skogo tipa v Petrovskuiu epokhu // XVIII vek. L., 1974. Sb. 9. Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi chetverti XVIII veka.
31. *Panchenko A. M.* Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka. L., 1973.
32. *Sazonova L. I.* Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia. M., 2006.
33. *Sazonova L. I.* Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M. V. Lomonosova // Lomonosov i russkaia literatura. M., 1987.
34. *Serman I. Z.* «Psaltyr' rifmotvornaia» Simeona Polotskogo i russkaia poeziia XVIII v. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1962. T. 18.
35. *Smorczewska H.* Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyinego watku // Tradycja i inwencja: Watku i motywy obhiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Łódź, 1999.
36. *Sofiiskaia I* letopis' starshego izvoda // Poln. sobr. russkikh letopisei. M., 2000. T. 6. Vyp. 1.
37. *Sokolov A. N.* O «Poetike» Feofana Prokopovicha // Problemy sovremennoi filologii: Sb. statei k 70-letiiu akad. V. V. Vinogradova. M., 1965.
38. *Tezauro E.* Podzornaia truba Aristotelia / Per. s it. E. Kostiuovich. SPb., 2002.
39. *Trofimov A.* Mnogoiazychie v literaturnoi kul'ture Petrovskoi epokhi: «Epinikion» Feofana Prokopovicha // Letniia shkola po russkoi literature. 2018. T. 14. № 4.
40. *Uspenskii B. A.* Iz istorii russkogo literaturnogo iazyka XVIII — nachala XIX veka. Iazykovaia programma Karamzina i ee istoricheskie korni. M., 1985.
41. *Vomperskii V. P.* Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv. M., 1988.
42. *Vomperskii V. P.* Stilisticheskoe uchenie M. V. Lomonosova i teoriia trekh shtilei. M., 1970.
43. *Zhivov V. M.* Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. M., 2017. T. 2.
44. *Zhivov V. M., Uspenskii B. A.* Metamorfozy antichnogo iazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII vv. // Zhivov V. M. Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury. M., 2002.

Анастасия Геннадьевна Готовцева

профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина;
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН

Anastasia Gennad'evna Gotovtseva

Professor, Russian State University named after A. N. Kosygin;
Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6738-1720

brunhilda@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ВТОРОЙ ОДЫ САПФО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

TRANSFORMATIONS OF THE SECOND ODE OF SAPPHO IN THE RUSSIAN POETRY: A TYPOLOGICAL ANALYSIS

Вторая ода Сапфо стала известна европейцам в середине XVI века благодаря французскому эллинисту и типографу Анри Этьенну, включившему ее в изданный им сборник античных тек-